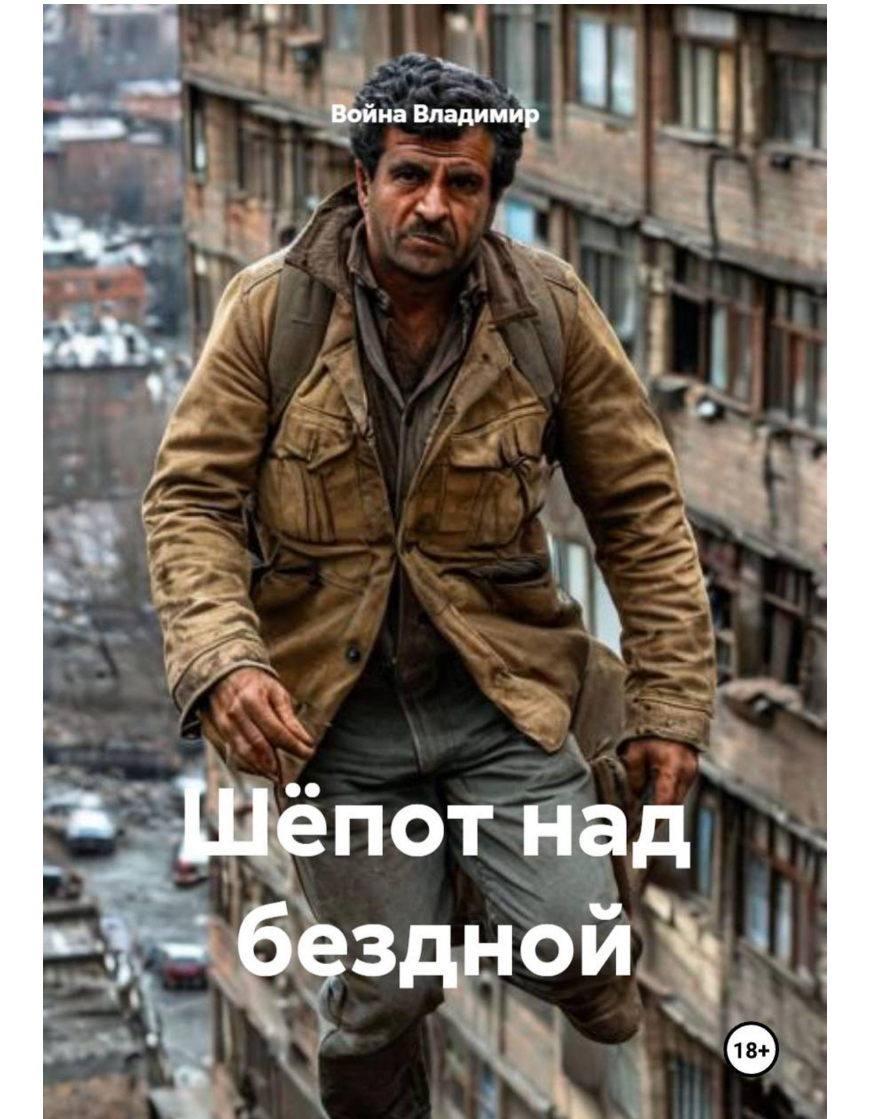

A man with dark hair and a mustache, wearing a brown leather jacket and dark pants, is walking on a rooftop. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background shows a dense, multi-story brick building with many windows, some of which are boarded up or broken. The scene is set in a war-torn city, with debris visible on the ground below.

Война Владимир

Шёпот над бездной

18+

Война Владимир Шёпот над бездной

<https://litres.ru/74042983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Документальный триллер о крупнейшем ограблении в истории СССР.

Июнь 1978 года, Ереван. Феликс Калачян готовится к прыжку с крыши четырёхэтажного здания Госбанка, где на стеллажах лежат полтора миллиона рублей. За спиной у него пустой мешок, который через час станет тяжелее на тридцать килограммов.

«Полёт над золотым ущельем» — это психологическая драма о братской верности, предательстве и цене денег. Автор воссоздаёт события с документальной точностью: от подготовки ограбления до московского загула, допросов и последних минут в камере смертников. Читатель увидит преступление глазами участников и почувствует их страх.

Полтора миллиона рублей, тридцать килограммов купюр, три судьбы и один вопрос: какова цена самого большого куша, когда на другой чаше весов — всё?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шёпот над бездной

Глава

Введение

7 июня 1978 года, Ереван. Город погружён в сон, скованный удушающей жарой. Даже собаки, изнурённые зноем, молчат, провожая редкими взглядами редких прохожих. Воздух густой, словно вата, пропитан пылью, запахом горячего туфа и жжёных абрикосовых косточек.

На крыше здания стоит Феликс Калачян. Ему двадцать семь лет. Он кандидат в мастера спорта по гимнастике. Феликс смотрит в темноту, где едва различимы очертания Государственного банка Армянской ССР. Его сердце бьётся ровно, как метроном. В руках — альпинистский трос, за спиной — тяжёлый мешок. Через несколько часов он станет весить на тридцать с лишним килограммов больше. На тридцать килограммов больше денег. Полтора миллиона рублей.

Добро пожаловать в июнь 1978 года. Добро пожаловать в историю, которая до сих пор потрясает своим преступным размахом.

Глава 1. Искушение. Анатомия предательства

Осенью 1977 года Завен Багдасарян сидел на кухне у двоюродных братьев и пил тутовую водку. За окном шелестели тополя, во дворе перекрикивались соседки, где-то далеко иг-

рал аккордеон — Ереван жил своей обычной вечерней жизнью, не подозревая, что в этой типовой квартире на пятом этаже только что прозвучали слова, которые через полгода взорвут всю правоохранительную систему Советского Союза.

— Они хранят деньги как дрова, — сказал Завен, закусывая ломтиком бастурмы. — Стеллажи. Обычные металлические стеллажи. Сверху комната отдыха, линолеум, диван продавленный. Ни сейфов тебе, ни сигнализации толковой. Я туда захожу каждый день и думаю: господи, да любой акробат мог бы...

Он осёкся, поняв, что сболтнул лишнего. Но было поздно. Николай Калачян, старший из братьев, уже не слушал его — он считал. Феликс, младший, кандидат в мастера спорта по спортивной гимнастике, отставил стакан и посмотрел на Завена долгим, изучающим взглядом. В этом взгляде не было ни жадности, ни страха — только холодный профессиональный интерес. Так гимнаст смотрит на новый снаряд, прикидывая, с какой стороны его штурмовать.

Завен не был злодеем. Он не был циничным наводчиком, просчитывающим долю. Он был маленьким человеком, раздавленным советским бытом, — сорок два года, оклад сто сорок рублей, двое детей, жена с вечными претензиями, хрущёвка на окраине. Каждый божий день он перебирал пачки денег, которые ему не принадлежали и никогда не будут принадлежать. Он вдыхал их запах, мял в руках, раскладывал

по стеллажам — и возвращался домой на автобусе. Потому что на такси не по карману. Это разъедало его изнутри, как кислота, и однажды, за рюмкой, в кругу родни, эта кислота прожгла дыру в его осторожности.

Но братья Калачян были людьми иного склада — особенно старший.

Николай появился на свет в семье, которую беда не обходила стороной, а жила в ней на правах родственника. Когда ему было девять, отец слёг с раком — диагноз, который в Советском Союзе пятидесятых звучал как приговор окончательный и обжалованию не подлежащий. Мать продавала всё, что можно было продать: ковры, посуду, обручальное кольцо, бабушкины серьги. Деньги уходили на врачей и лекарства, которые не помогали. В доме поселился запах болезни — сладковатый, тошнотворный, въедающийся в стены. Николай засыпал под стоны отца и просыпался под плач матери. Так продолжалось два года.

В четвёртом классе он не выдержал. Просто не вернулся из школы — свернул в соседний двор, потом ещё в один, и пошёл, пока город не закончился. Одиннадцатилетний мальчик, оказавшийся на окраине Еревана без денег и документов, был добычей. Пустым местом. Ничем. Но Николай не был пустым местом. Он прибил к цыганскому табору, кочевавшему через Закавказье, и начал выживать — так, как умеют выживать только дети, слишком рано узнавшие цену взрослому миру.

Цыгане приняли его, но не из жалости — из расчёта. Маленький армянский мальчик с умными, не по годам взрослыми глазами оказался идеальным курьером для торговли наркотиками. Кто заподозрит ребёнка? Кто остановит его на дороге? Он носил товар в потайных карманах, запоминал адреса, молчал на допросах — а допросы случались, и не раз. В двенадцать лет он знал о жизни больше, чем иной взрослый. Знал, что милосердие — это слабость. Что доверять нельзя никому. Что деньги решают всё, а если не решают — значит, денег недостаточно.

Потом были скитания, работа мусорщиком, ночёвки в подвалах. Всё образование Николая ограничилось начальной школой и профессией токаря, приобретённой позже, — но к станку он так и не встал. Не для того он выживал, чтобы стоять у станка за сто двадцать рублей в месяц.

Природа, отняв у него нормальное детство, сделала ему странный подарок. Она дала ему ум. Не книжный, не академический — но проницательный, цепкий, способный просчитывать ситуации на десять ходов вперёд. Он читал людей как открытую книгу. Он видел их слабости и умел на них нажимать. Он говорил тихо, но каждое его слово падало в подготовленную почву. Это был дар подчинять, дар вести за собой — харизма, замешанная на холоде.

Первую банду он собрал в двадцать с небольшим. Сверстники из бедных кварталов, неприкаянные, жадные до красивой жизни. Николай не запугивал их — он обещал. Он ри-

совал картины будущего, и эти картины были так убедительны, что за ним пошли. Ограбление сберкассы — первое в его послужном списке — было организовано с выдумкой. Преступники не ломились в двери, не угрожали кассирам. Они проделали дыру в стене, в нерабочее время, тихо и аккуратно. Несколько тысяч рублей — по тем временам состояние. И главное — милиция не нашла ни следов, ни подозреваемых.

Деньги Николай спустил быстро — рестораны, женщины, случайные знакомые. Но в отличие от многих, он не получал удовольствия от трат. Он получал удовольствие от процесса. От планирования. От риска. От осознания того, что он умнее системы. Когда деньги кончились, он не расстроился. Он сел и начал думать над следующим делом. Прежние подельники его больше не устраивали — мелко, глупо, ненадёжно. Ему нужен был человек иного склада. Человек, чьё тело работает как идеальный механизм. Человек, которому он сможет доверять — насколько вообще можно доверять в их ремесле.

Таким человеком был Феликс — двоюродный брат, гимнаст, спортсмен. Идеальный исполнитель.

Феликс был другим. Если Николай — тень, то Феликс — свет. Он вырос в спортзале, среди матов и перекладин, и жизнь его была проста: тренировка, соревнование, медаль. Он не знал голода, не знал предательства, не знал, что такое спать в подвале, прислушиваясь к шагам за стеной. Он доверял людям. Особенно — старшему брату, которого уважал

за ум и житейскую хватку. Николай долго присматривался к Феликсу, не сразу открыл карты. Сначала — разговоры, намёки, проверки. Он лепил из младшего брата сообщника так же терпеливо, как когда-то лепил из себя выживальщика.

Тем вечером, после ухода Завена, братья остались вдвоём. Феликс молчал, переваривая услышанное. Николай уже достал тетрадь в клеточку — такую, в каких записывают расходы на коммуналку, — и начал чертить. Схема крыш. Схема вентиляции. Предположительное время проникновения.

— Ты уверен, что он не передумает? — спросил Феликс.

— Он уже не передумает, — ответил Николай, не поднимая головы. — Он теперь соучастник. Ему страшнее нас.

И в этом был весь Николай. Он знал людей. Знал, на что можно надавить, где проходит болевой порог. Завен будет молчать не потому, что верен, а потому, что боится. Страх — лучший клей для таких союзов.

В последующие недели Завен несколько раз пытался дать задний ход. Начинал разговор о том, что его неправильно поняли, что он преувеличил, что в банке усилили охрану. Николай слушал, кивал, а потом, наливая чай, ронял — почти ласково, почти без нажима:

— Завен-джан, ты уже всё рассказал. Ты знаешь, что будет с тобой, если мы попадёмся, даже если ты не станешь участвовать дальше? А если не попадёмся — ты получишь треть. Треть от полутора миллионов. Посчитай, сколько это твоих зарплат.

Завен смотрел на свои руки, на обручальное кольцо, на скатерть в цветочек — и молчал. Молчание было знаком согласия.

Той же осенью Феликс начал репетиции. Он заходил в банк как посетитель — открытый, обаятельный, в белой рубашке. Спрашивал что-то про обмен валюты, интересовался режимом работы. Никто не обращал на него внимания. А он фиксировал расположение коридоров, толщину стен, высоту окон. В спортзале, после основной тренировки, он оставался и работал с тросом — завязывал узлы, отрабатывал спуски, доводил движения до автоматизма. Тренер думал, что парень готовится к соревнованиям по скалолазанию. Феликс не спорил.

Николай тем временем выезжал в Москву — «в командировку». На самом деле он изучал рынок облигаций, прикидывал, как можно вложить такие деньги, не привлекая внимания. Скупать золото? Слишком опасно, нужны связи. Недвижимость? Исключено — советский человек не может купить дом на честно заработанные, а уж на украденные тем более. Облигации трёхпроцентного займа — вот что казалось ему спасительным инструментом. Бумага к бумаге, деньги превращаются в ценные бумаги, след теряется. Так он думал.

К началу 1978 года план был готов в деталях. Просчитан каждый шаг, каждый взмах дрели, каждый узел на тросе. Братья похудели от нервного напряжения, но не отступи-

ли. Завен почти перестал спать, но продолжал снабжать их информацией — когда завозят купюры, в какие дни охрана особенно бдительна, в каком углу комнаты отдыха линолеум отходит от пола.

Оставалось назначить дату. Сошлись на июне — ночи тёплые, но не душные, окна открыты, город пустеет рано. Идеальное время для полёта над пропастью.

Никто из них не знал, что судьба уже внесла в этот идеальный план первую поправку — жирную, красной ручкой. Поправку, которая через месяц уложит Николая на больничную койку, а Феликса заставит идти на дело в одиночку.

Но это будет позже. А пока — зима 78-го, Ереван, квартира с тетрадкой в клеточку. И три человека, которые уже перешли черту, хотя ещё не сделали ни шага. Один — из жадности. Второй — из доверия. Третий — потому что ему было не впервой. И именно третий, Николай Калачян, мальчик из цыганского табора, токарь без образования и философ без морали, уже знал: назад дороги не будет. Ни для кого.

Глава 2. Архитекторы бездны

Ереван, зима 1978 года. Город лежал под снегом, непривычно тихий и притихший, словно затаивший дыхание перед тем, что должно было случиться весной. В квартире на пятом этаже братья Калачян заканчивали подготовку. На календаре был январь, но в тетради Николая уже стояла июньская дата, обведённая красным. Дата, которую ещё никто не знал, но которая войдёт в криминальную историю.

Они были двоюродными братьями, но судьба лепила их из разного теста, и это бросалось в глаза даже сейчас, когда они сидели за одним столом. Феликс — подтянутый, с рельефными мышцами, которые перекатывались под рубашкой при каждом движении. Он был воплощением физической силы, но в глазах его читалась почти детская прямота. Таким людям не нужно ничего объяснять дважды, но им нужно говорить, куда идти. Николай — старший, на восемь лет старше, — был его противоположностью. Сутуловатый, с вечной папирсой в углу рта, с лицом, которое казалось старше своих тридцати, и с глазами, которые не просто смотрели — они сканировали, взвешивали, выносили приговор.

Эти глаза видели то, чего Феликс не видел никогда. Цыганский табор. Ночные переходы через границу. Первую пачку денег, полученную за наркотики. Первую кровь — не его, но пролитую рядом. Всё это осталось где-то там, в прошлом, но продолжало жить в Николае, как живёт в фундаменте скрытая от глаз арматура. Он никогда не рассказывал брату подробностей. Феликс знал только общую канву: трудное детство, побег из дома, скитания. Деталей он не спрашивал — из уважения. А может, из страха услышать то, что слышать не хотелось бы.

Николай был архитектором. Не по диплому — его образование закончилось в четвёртом классе и ограничилось потом профессией токаря, к станку он так и не встал. Но его мозг работал как у главного инженера проекта. В тетради, за-

ведённой когда-то для коммунальных расчётов, теперь жил целый мир: поэтажные планы Госбанка, вычерченные по обрывочным сведениям Завена; маршруты отхода в трёх вариантах; график движения милицейских патрулей; список облигаций, доступных к покупке в московских сберкассах. Это была библия преступления, и Николай перечитывал её каждый вечер, как верующий — молитвенник.

Он был человеком системы. В этом заключалась и его сила, и его слабость. Сила — потому что он умел просчитывать риски на десять ходов вперёд, видеть то, чего не видели другие. Слабость — потому что система, которую он создал, была завязана на него одного. Когда за неделю до дела его сердце даст сбой, вся эта прекрасная, выверенная до миллиметра конструкция окажется на грани краха. Но пока, в январе, сердце ещё работало — с перебоями, но работало. И Николай продолжал чертить.

Он не просто планировал ограбление. Он создавал мир, в котором ему снова предстояло доказать, что он умнее всех. Умнее Завена, который боялся собственной тени. Умнее Феликса, который верил ему безоговорочно. Умнее системы, которая когда-то бросила его, одиннадцатилетнего, на произвол судьбы. Каждая линия в тетради была актом мести — не конкретному человеку, а всему мироустройству.

Феликс не читал тетрадь. Ему это было не нужно. Его задачей было тело.

Всю свою сознательную жизнь он провёл в гимнастиче-

ском зале, где ошибка в одну десятую градуса означает срыв со снаряда, перелом, инвалидность. Он привык доверять физическому чутью больше, чем бумажным расчётам. Когда Николай показывал ему схему крыши, Феликс брал листок, смотрел, кивал — а потом шёл на место, поднимался на соседнее здание и стоял там часами, запоминая угол наклона, расстояние между карнизами, фактуру кровельного железа. Его тело само становилось измерительным прибором.

Тренер в спортшколе говорил про него: «У Калачяна нет нервов. Он выходит на ковёр как на прогулку». Тренер ошибался. Нервы были. Просто Феликс умел их прятать — не от людей, от самого себя. Он загнал страх так глубоко, что тот превратился в топливо. В те дни он работал на тренировках как одержимый: отжимания на брусьях, подтягивания на одной руке, упражнения с канатом, пока кожа на ладонях не начинала гореть. Он готовился к главному выступлению в своей жизни, и это выступление должно было пройти не перед судьями, а перед пустым хранилищем банка.

Вечерами они сидели вдвоём и обсуждали детали. Вернее, говорил в основном Николай, а Феликс слушал, изредка вставляя короткие реплики. Это был странный дуэт — словоохотливый стратег с тёмным прошлым и молчаливый акробат со светлым.

— Смотри, — говорил Николай, тыча карандашом в чертёж, — соседнее здание — общежитие какого-то НИИ. Охраны нет, вахтёрша спит в полночь. Ты поднимаешься на

крышу, вот здесь. Прыжок — два метра двадцать сантиметров. Ты говоришь, что на тренировках берёшь два пятьдесят?

— Беру, — отвечал Феликс.

— Это хорошо. Но здесь не спортзал. Здесь бетон, высота и темнота.

— Я знаю.

— Ты уверен, что справишься?

Феликс поднимал глаза и смотрел на брата так, что у того отпадали вопросы. Это был взгляд человека, который знает своё тело лучше, чем собственное имя.

Николай смотрел на него и думал о том, как странно устроена жизнь. Он, мальчик из цыганского табора, токарь без образования, человек, которого система отбросила на обочину, — и этот чистый, сияющий спортсмен, любимец тренеров, надежда сборной. Что между ними общего? Кровь. Только кровь. И ещё — готовность идти до конца, которая у каждого имела свою природу. У Феликса — от веры в брата. У Николая — от неверия во всё остальное.

Когда-то давно, после первого ограбления сберкасс, Николай понял: работать в одиночку нельзя. Нужны люди. Но не те, с кем он начинал, — те были слишком глупы, слишком болтливы, слишком ненадёжны. Ему нужен был человек, физически сильный, способный совершать то, что не под силу другим. Идеальный исполнитель. И он нашёл его — не где-то, а в собственной семье. Двоюродный брат, гимнаст,

спортсмен. Судьба преподнесла ему этот подарок, и он не собирался от него отказываться.

Правда, был момент, когда он колебался. Не из моральных соображений — мораль для Николая была пустым звуком. А из практических. Феликс был чист. У него не было приводов, не было связей с криминалом, не было опыта. Втягивать такого человека в дело — риск. Но с другой стороны, именно чистота Феликса была его главным козырем. Кто заподозрит гимнаста-разрядника, комсомольца, гордость спортшколы? Кто поверит, что такой человек способен на ограбление века?

Николай решился не сразу. Он присматривался к брату полгода. Проверял в разговорах, испытывал намёками. Феликс слушал, не перебивая. Его доверие к старшему было абсолютным — так младшие братья доверяют старшим, не требуя доказательств. И однажды Николай понял: готов. Он открыл карты не все сразу — только часть, только намёк. Но Феликс понял. И согласился.

Отдельной проблемой был Завен. Чем ближе к делу, тем сильнее он нервничал. Он похудел на восемь килограммов, начал курить — до этого не курил тридцать лет. Жена списывала всё на неприятности на работе, он не разубеждал. Ночами он лежал без сна и прокручивал в голове варианты: пойти в КГБ и во всём признаться? Инсценировать сердечный приступ и уйти на больничный до июня? Уехать из Армении совсем? Но каждый раз, когда он почти решался на побег,

перед глазами вставал Николай — спокойный, уверенный, с этой проклятой тетрадью в руках. И Завен понимал: поздно. Он уже соучастник. Его подпись уже стоит под невидимым договором.

В феврале случился первый кризис. Завен пришёл к братьям и с порога заявил:

— Всё. Я выхожу. Забудьте мой адрес, забудьте мой телефон. Я ничего не говорил, вы ничего не слышали.

Повисла пауза. Феликс молчал. Николай отложил тетрадь, встал, подошёл к окну. Смотрел на заснеженный двор, на детей, лепящих снеговика, на старуху с авоськой. Потом произнёс — негромко, почти ласково:

— Завен-джан, ты помнишь статью? Сто сорок четвёртая? Хищение государственного имущества в особо крупном раз-
мере. А ещё есть статья за соучастие. И за недоносительство. Ты уже там. Ты внутри. Твой единственный выход — дойти до конца и получить свою долю.

Он повернулся от окна. В глазах — ни злобы, ни угрозы. Только холодный расчёт — тот самый, которому он научился не в школе, а в цыганском таборе, где слова стоили дешевле, чем действие.

— Ты получишь триста тысяч. Триста тысяч рублей, Завен. На эти деньги ты купишь всё, что захочешь. Квартиру в центре. Машину. Путёвку в Ялту каждый год до конца жизни. Ты перестанешь считать копейки. Ты станешь свободным.

Завен молчал. Потом сел. Потом попросил закурить.

— Ладно, — сказал он. — Я с вами.

Николай кивнул, вернулся к столу и открыл тетрадь. Он знал, что Завен никуда не денется. Страх и жадность — два рычага, которые работают безотказно. Этому его научила улица.

В марте Феликс провёл первую «тренировку на местности». Ночью, около двух, он поднялся на крышу общежития. Не для кражи — просто чтобы проверить маршрут. Постоял на краю, глядя на чёрный провал между зданиями. Два метра двадцать. Днём это расстояние можно пройти пешком, не заметив. Ночью, над пропастью в четыре этажа, оно превращается в прыжок веры.

Он сделал глубокий вдох. Разбег. Толчок. Полёт. Приземление.

Тишина. Только сердце бьётся где-то в горле. Феликс стоял на крыше Госбанка и смотрел вниз, на спящий Ереван. Получилось.

Он вернулся домой, не сказав Николаю ни слова. Брату он скажет завтра. А пока нужно было запомнить ощущение: страх, превращённый в движение; падение, остановленное волей. Это чувство он возьмёт с собой в июне. Оно ему пригодится.

А Николай в ту ночь не спал. Он сидел на кухне, курил и думал. Не о риске — риск был просчитан. Не о деньгах — деньги были почти в кармане. Он думал о брате. О том, что

Феликс, при всей своей силе, остаётся уязвимым. О том, что если операция провалится, именно Феликс примет на себя первый удар. И о том, что эта мысль, по-хорошему, должна бы его мучить — но не мучила. Николай давно разучился мучиться такими вещами. Мальчик из табора знал: на войне как на войне. А они были на войне. С системой. С судьбой. С собственной природой.

И до июня оставалось три месяца.

Глава 3. Роковая неделя. Больничная койка

Май 1978 года. До назначенной даты оставалась неделя. Ереван цвёл абрикосами и алычой, воздух стал густым и сладким, а Феликс усилил тренировки — теперь к гимнастическим упражнениям добавилась работа с альпинистским снаряжением. Он купил трос, карабины, страховочные петли. На рынке у спекулянтов достал болгарскую дрель с удлинёнными свёрлами по бетону — никакой «Рассвет» или «Ростов» не взял бы железобетонное перекрытие банка. Продавец спросил, зачем такой инструмент. Феликс ответил: «Домашний ремонт, потолок буду сверлить». Продавец усмехнулся, но вопросов больше не задавал. Деньги решали всё — эту истину Феликс усвоил от старшего брата, и сейчас она работала безотказно.

Николай заканчивал бумажную часть подготовки. В его тетради появились новые страницы — адреса московских сберкасс, где принимали облигации без лишних вопросов, явки у перекупщиков, способных превратить наличные в зо-

лото. Он работал как одержимый, почти не спал, пил крепкий чай и курил одну папиросу за другой. Иногда, ближе к утру, у него начинало колоть в левой стороне груди, и тогда он откладывал карандаш, ложился на диван и ждал, пока отпустит. Отпускало всегда. Он привык к этой боли, считал её чем-то вроде хронической усталости — неприятно, но не смертельно. Человек, переживший цыганский табор и ночёвки в подвалах, не склонен обращать внимание на такие пустяки.

Вечером 31 мая боль пришла по-другому.

Они сидели с Феликсом на кухне, обсуждали последние детали. Николай как раз говорил о том, что после дела нужно сразу уезжать в Москву — не задерживаться в Ереване ни на час, не светиться, не звонить Завену. Вдруг он замолчал на полуслове. Лицо его побелело, на лбу выступила испарина — мелкая, бисерная, как у человека, которого только что вытащили из ледяной воды. Он попытался встать, оперся о стол, но ноги подкосились. Феликс успел подхватить его до того, как он рухнул на пол.

— Скорая, — прохрипел Николай. — Звони.

Феликс не задавал вопросов. Он набрал ноль-три, назвал адрес, положил брата на пол, подложил под голову свёрнутую куртку. В ожидании врачей он сидел на корточках и смотрел на Николая — бледного, с синими губами, с пульсом, который едва прощупывался. Впервые за долгие месяцы подготовки Феликс почувствовал страх. Не тот кон-

тролируемый, спортивный страх, который он испытывал перед прыжком с перекладины. Другой — липкий, животный, страх потери. Человек, который лежал сейчас на полу, был не просто сообщником. Он был братом, старшим, единственным родным человеком в этом мире.

Но даже в эту минуту, глядя на задыхающегося Николая, Феликс не мог отделаться от мысли, которая пришла откуда-то из глубины и засела в голове, как заноза. Он ведь почти ничего не знает о брате. О его детстве. О таборе. О том, что было до. Николай никогда не рассказывал — только обрывки, только намёки. Феликс знал, что старший брат убежал из дома в четвёртом классе, что прибил к цыганам, что промышлял тёмными делами. Но деталей не знал. И сейчас, в свете больничной лампы, глядя на это бледное лицо с запавшими глазами, он вдруг подумал: а что, если Николай умрёт прямо здесь? И унесёт с собой все тайны, все ответы, всё то, о чём он молчал годами?

Врачи приехали через двенадцать минут. Сделали укол, погрузили Николая на носилки, увезли в кардиологию. Диагноз прозвучал как приговор: гипертонический криз, подозрение на предынфарктное состояние. В больнице врачи были категоричны — минимум две недели постельного режима, затем санаторий, полный покой и никаких волнений. О выписке в ближайшие дни не могло быть и речи.

— С таким сердцем долго не живут, — сказал врач, заполняя карту. — Ваш брат вообще должен беречь себя. Он

что, много нервничал в последнее время?

— Много, — ответил Феликс. — Очень много.

Феликс вернулся домой под утро. Квартира встретила его тишиной. На столе лежала раскрытая тетрадь Николая, рядом — карандаш, которым он что-то записывал за минуту до приступа. Феликс сел на стул, пододвинул тетрадь к себе и долго смотрел на записи. Адреса, цифры, схемы. Почерк был ровным до последней строчки — Николай терял сознание, но продолжал выводить буквы. Вот таким он был человеком. Система, доведённая до абсолюта. Мальчик, которого жизнь была с самого детства, вырос в мужчину, который пытался контролировать всё. Даже собственный сердечный приступ.

Что делать теперь?

Феликс перебирал варианты. Отменить операцию? Значит, всё было зря — месяцы подготовки, риск, нервы. К тому же Завен уже на взводе, если сейчас дать задний ход, он может сорваться и наделать глупостей. Перенести дату? Но Николай в больнице, неизвестно, когда выйдет и выйдет ли вообще в том состоянии, чтобы участвовать. А лето идёт, окна комнаты отдыха открыты только в жару, осенью всё усложнится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.